

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

UDC 94“12/13”:321
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 01.07.2020
Accepted: 23.12.2020

**DIARCHY? THE SYSTEM OF CO-RULERSHIP IN BYZANTIUM
AT THE TURN OF THE 13th – 14th CENTURIES
AND ITS IMPACT ON THE SITUATION IN THE STATE**

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study is dedicated to the system of co-rulership in Byzantium in the early Palaiologan period. Our goal is to determine the role of the Byzantine emperor, the son and co-ruler of his father, the emperor Andronikos II Palaiologos (1282–1328), Michael IX (1294–1320) in the political destabilization of the empire at the turn of the 13th – 14th centuries by identifying the specific nature of power relations in the state at the time under study. *Methods.* The methodological basis of the study is a systematic approach. The power relations in Byzantium at the turn of the 13th – 14th c. are considered as a system of interconnected elements that perform certain functions in relation to each other and to the system as a whole. The principles of the hermeneutic method allow us to give a holistic interpretation of the sources that form our understanding of the subject under study. *Analysis and Results.* As a result of the study, we found out that the specific nature of power relations in Byzantium at that time was determined by two circumstances. First, by the institutionalization of the co-rulership that occurred during the reign of the first Palaiologoi. It was mostly due to the publication of the prostagma by Michael VIII (1259–1282) in 1272, an important document, many provisions of which, in our opinion, were fully implemented (and, to some extent, even expanded) during the reign of his son Andronikos II. Second, by the division of managerial functions within the ruling family. While Andronikos II dealt with a whole range of issues related to various state activities (fiscal, socio-economic, administrative, political and legal, foreign policy, etc.), the younger basileus concentrated in his hands mainly the command of the army. The isolated position of Michael IX which consisted in his constant stay outside Constantinople and the presence of significant military contingents under his control provided a certain degree of independence for the younger basileus in his military and political decisions which often contradicted those of his father. At the same time, this separate co-existence of two imperial courts in the state with their own staff of courtiers disrupted the unity within a narrow group of the Byzantine elite, led to its disengagement and the appearance of people who associated with the younger emperor their further acquisition of high ranks and broader powers in Byzantium. After the death of Michael IX (1320) this circumstance will have a significant impact on the outbreak of the civil war in the empire (1321–1328).

Key words: Byzantium, Early Palaiologan period, system of co-rulership, Michael VIII Palaiologos, Andronikos II Palaiologos, Michael IX Palaiologos, Catalan revolt.

Citation. Lysikov P.I. Diarchy? The System of Co-Rulership in Byzantium at the Turn of the 13th – 14th Centuries and Its Impact on the Situation in the State. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 180-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

УДК 94“12/13”:321
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 01.07.2020
Дата принятия статьи: 23.12.2020

**ДВОЕВЛАСТИЕ? СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ СОПРАВИТЕЛЬСТВА
В ВИЗАНТИИ НА РУБЕЖЕ XIII–XIV ВВ.
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В ГОСУДАРСТВЕ**

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено теме соправительства в Византии в период правления ранних Палеологов. Его задача заключается в определении роли византийского императора Михаила IX (1294–1320) – сына и соправителя отца Андроника II Палеолога (1282–1328) – в политической дестабилизации империи на рубеже XIII–XIV вв. посредством выявления специфики системы властных отношений в государстве в изучаемое время. В результате исследования было выяснено, что указанная специфика определялась двумя обстоятельствами: 1) институционализацией системы соправительства, произошедшей в период правления первых представителей палеологовской династии, что было сопряжено в значительной мере с изданием Михаилом VIII (1259–1282) по случаю коронации его сына Андроника (II) (1272) простагмы – важного документа, положения которого, на наш взгляд, были в полной мере реализованы (и в какой-то мере даже расширены) в правление последнего; 2) разделением управленческих функций внутри правящей семьи. В то время как Андроник II занимался решением целого спектра вопросов, связанных с различными сферами жизнедеятельности государства (фискальной, социально-экономической, административной, политико-правовой, внешнеполитической и др.), младший василевс сосредоточил в своих руках главным образом функции командования вооруженными силами империи. Обособленное положение младшего императора, заключающееся в его постоянном пребывании вне столицы, и наличие под его контролем значительных воинских контингентов обеспечивали известную степень самостоятельности Михаила IX в принимаемых им военно-политических решениях, в которых он зачастую вступал в противоречие со своим отцом. В то же время специфически разрозненное существование в Византии двух императорских дворов со своим штатом придворных нарушало единство внутри узкой прослойки византийской элиты, приводило к ее размежеванию и выделению из ее числа определенной группы людей, связывавших с младшим василевсом дальнейшее обретение ими высоких чинов и широких властных полномочий в государстве. После смерти Михаила IX (1320) указанное обстоятельство окажет значительное влияние на начало гражданской войны в империи (1321–1328).

Ключевые слова: Византия, раннепалеологовский период, система соправительства, Михаил VIII Палеолог, Андроник II Палеолог, Михаил IX Палеолог, каталонское восстание.

Цитирование. Лысиков П. И. Двоевластие? Специфика системы соправительства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. и ее влияние на ситуацию в государстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 6. – С. 180–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.14>

Введение. Отношения императора Андроника II Палеолога (1282–1328) со своим сыном и соправителем¹ Михаилом IX (1294–1320) на всем протяжении политической карьеры последнего имели достаточно противоречивый характер. Несмотря на то, что в доступных нам источниках не отмечено ни одного открытого конфликта между двумя императорами, отсутствие согласованности в некоторых из принимаемых ими решений так или иначе оказало определенное воздействие на внутри- и внешнеполитическое состояние византийского государства. Задача настоящего исследования, таким образом, заключается в выяснении роли Михаила IX в политической дестабилизации Византии на рубеже XIII–XIV вв. посредством выявления специфики системы властных отношений в империи в указанный период времени.

Общий обзор историографии темы. Поскольку достижение поставленной цели невозможно без выявления особенностей положения Михаила IX в империи как соправите-

ля отца и старшего императора Андроника II, необходимо в первую очередь рассмотреть круг вопросов, связанных с данным политическим феноменом. В целом в специальной литературе, посвященной соправительству, сложилось устойчивое представление о том, что именно в раннепалеологовский период произошла его институционализация, а соправители получили широкие права, которые они не имели в ранне- и средневизантийское время (см.: [11, с. 314; 50, с. 600]). Согласно мнению ряда исследователей, к примеру, Л.-П. Рэйбо, Т.В. Куш, императоры из династии Палеологов (начиная с ее основателя Михаила VIII) воспользовались указанной системой передачи прав на престол, известной еще со времени принципата (о последнем подробнее: [40]), для укрепления династического принципа наследования власти в империи [55, р. 58–60; 3, с. 122сл.]. В этом контексте в качестве наиболее яркого примера для констатации факта изменений, произошедших в положении соправителя в раннепалеологов-

ское время, приводилась именно фигура Михаила IX (см., к примеру: [11, с. 329; 5, с. 581]). В двух специальных трудах, посвященных исследованию личности и различных аспектов государственной деятельности последнего, Б. Ферьянчич и Х. Гиклер пришли к выводу о том, что роль этого соправителя в византийском государстве была беспрецедентна: он обладал титулом, аналогичным титулу императора-отца, имел весьма широкие полномочия (в частности, право на издание императорских актов – грамот привилегий и простагм), командовал вооруженными силами и осуществлял управление целыми областями в европейской части империи [10, с. 347, 353; 35, S. 66] (см. также: [61, σ. 3]).

В то же время некоторые ученые (среди них Ф. Дельгер, Ф. Баришич и Т.В. Куш) заняли более умеренную позицию, указав на чреватость переоценки роли соправителей (в частности, упомянутого Михаила IX) в палеологовское время: по-прежнему «старший» император единственный обладал всей полнотой власти в государстве, тогда как «младший» замещал его на время отсутствия в столице, а также реализовывал административные функции в провинции. В любом случае, окончательное решение по наиболее важным государственным вопросам всегда оставалось за «старшим» василевсом. Что касается права соправителя на издание самостоятельных грамот и распоряжений, оно было достаточно ограниченным (см. об этом: [31, Nr. 26, col. 34; 1, с. 54сл., прим. 25; 3, с. 123–125]). В целом же следует отметить, что, несмотря на разницу в оценках, все исследователи вопроса так или иначе обратили внимание на значительные изменения, коснувшиеся в изучаемое время практики соправительства в Византии. Положение и круг полномочий Михаила IX в империи могут быть поняты только посредством исследования его деятельности, отраженной в доступном для исследования источниковом материале.

Общий обзор источников. Основными источниками для настоящего исследования являются нарративные сочинения (труды византийских историков, церковных и государственных деятелей Георгия Пахимера [34], Никифора Григоры [46], Иоанна Кантакузина

[38], каталонского хрониста Рамона Мунтандера [26] (английский перевод: [58]), кроме того, краткие (малые) хроники (по изданию: [57]), делопроизводственные источники (официальные письма (по изданию: [45]), в том числе западного происхождения (по изданию: [27])), актовые материалы (императорские грамоты привилегий и простагмы (по изданиям: [2; 12; 13; 14; 15; 19; 25; 37; 44]), а также международные договоры (по изданию: [52])), политические сочинения (трактат Псевдо-Кодина [54]) и данные нумизматики (введенные в научный оборот усилиями специалистов американского византиноведческого центра Dumbarton Oaks (по каталогам: [24; 16; 17; 18])).

Анализ. Михаил IX Палеолог родился в 1278 г. от первого брака Андроника II с венгерской принцессой Анной [53, Nr. 21529]. Уже через три года (1281) он был провозглашен своим дедом, императором Михаилом VIII, василевсом (ὁ πάπλος αὐτοῦ Μιχαῆλ ... ὡς βασιλέα παρεῖχε κηρύττεσθαι) [34, vol. 3, p. 99^{28–30}] (о дате: [34, vol. 3, p. 98, note 29]). Последний, стремясь упрочить положение новой правящей династии, постарался обеспечить последовательный переход власти в империи на два поколения вперед. О ранних годах жизни Михаила Палеолога сохранилось крайне незначительное количество информации. В 1290 г. (датировка: [33, p. 16sq.]) его отец, император Андроник II, отправившись в восточные области империи, по словам Пахимера, занялся среди прочего устройством брака старшего сына с титулярной императрицей Константинополя Катериной де Куртене [34, vol. 3, p. 171^{7–13}] (без успеха: [43, p. 48–54]). Следующее упоминание его историком относится уже к церемонии коронации, и на этом важном эпизоде следует остановиться подробнее.

21 мая 1294 г. [34, vol. 3, p. 219¹⁰ (без указания года)] (ср.: [57, Nr. 8, S. 76¹⁰]) в соборе Святой Софии Михаил Палеолог был коронован патриархом Иоанном XII императором и соправителем своего отца Андроника II. На следующий день, то есть 22 мая, последний при участии старшего сына пожаловал титул деспота своему младшему сыну Иоанну (от второго брака с Ириной Монферратской). В этом эпизоде Пахимер назвал Михаи-

ла IX βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ [34, vol. 3, p. 221^{18–24}], и это, очевидно, означает, что 21 мая тот в дополнение к титулу βασιλεὺς, который он получил в 1281 г. от своего деда, приобрел новое обозначение – αὐτοκράτωρ, которое до палеологовского времени могло прилагаться только к старшему императору (об этом: [29, S. 136sq.; 49, с. 182сл.; 55, p. 57]). В дальнейшем повествовании историк еще раз касается этой темы, предвзяв рассказ о событиях, имевших место после битвы при Апросе (середина 1305 г.), сообщением, что «обойм самодержавно правящим (αὐτοκρατοροῦσι) василевсам, таким образом, уже шел: одному – 23-й, а другому – 12-й год (с начала правления. – П. Л.)» [34, vol. 4, p. 615^{3–4}]². Отсюда следует, что, с точки зрения Пахимера, положение Михаила IX как соправителя с мая 1294 г. было формально идентичным положению старшего императора. Этот факт в числе прочих, как уже было сказано выше, дал исследователям его биографии основание утверждать, что именно в этот период соправительство в Византии претерпело некоторые, достаточно значимые, изменения. В то же время они отмечали, что уже Андронику II его отцом во время коронации были предоставлены исключительные полномочия, которые впоследствии им же были расширены и переданы старшему сыну [10, с. 337; 35, S. 55–57].

Для понимания сути вопроса следует обратиться к эпизоду коронации Андроника II, имевшей место 8 ноября 1272 года³. Несмотря на прерогативы, которыми, согласно изданной Михаилом VIII по этому случаю простагме, он наделял соправителя, и относительное формальное уравнивание со старшим императором, положение первого достаточно определенно формулировалось как второстепенное относительно положения отца. Младший император в присутствии старшего императора фактически лишался права на осуществление своих полномочий, среди которых следует особо выделить: председательство в суде [37, S. 41^{59–73}], организацию и проведение военных экспедиций [37, S. 38^{22–39}, 40^{73–78}], рассмотрение жалоб жителей областей и городов на налоговых чиновников (κατὰ τοῦ ἐνεργούντος) и вынесение по ним решений (вплоть до их смещения и замены) [37, S. 41^{95–105}]. Кроме того, соправитель имел прерогативу на-

граждать отличившихся и наказывать провинившихся солдат посредством увеличения или изъятия их проний [37, S. 40^{78–41}⁹⁵]⁴. Все вышеперечисленные полномочия младший василевс мог осуществлять исключительно *вдали от* старшего императора, что выражено в источнике следующими сочетаниями: ἀπὸν αὐτῆς (находясь вдали от нее (моей царственности. – П.Л.)) [37, S. 37³], ἐν τῷ ἀποδημεῖν σε τῆς βασιλείας μου (в то время, когда ты находишься вдали от моей царственности) [37, S. 38^{6–7.14}], ἐκτὸς τῆς βασιλείας μου (вдали от моей царственности) [37, S. 39³²], εἰ δὲ ἀποδημεῖς (если же ты находишься вдали (от моей царственности. – П.Л.)) [37, S. 39⁴³], ἀποδημῶν τῆς βασιλείας μου (находясь вдали моей царственности) [37, S. 40^{59–60}, 41¹⁰⁶]. Обо всех самостоятельно принятых решениях соправитель был обязан отчитываться перед отцом, что отражено во фразе: ταῦτα δὲ πάντα ποιήσεις τῆς βασιλείας μου ἀποδημῶν, ὀφείλων δίδόναι ἐπὶ πᾶσιν εἰδήσεις τῇ βασιλείᾳ μου, κἄν ὅπου ἂν ἡ βασιλεία μου τύχῃ διάγουσα (все же это ты будешь делать, находясь вдали от моей царственности, будучи обязанным давать обо всем знать моей царственности, где бы моя царственность волею обстоятельств ни находилась) [37, S. 41^{105–108}]. Особо отметим, что решения по ряду важных вопросов могли приниматься младшим императором только с согласия отца [37, S. 40^{68–73}, 41^{81–84}]⁵. В то же время в простагме вроде бы ясно проводится идея формального равенства обоих императоров в сфере презентации императорской власти, но даже и здесь Михаил VIII не избежал важных уточнений, которые помогают скорректировать наше представление о положении соправителя в раннепалеологовский период⁶.

Таким образом, на основании данных простагмы допустимо сделать следующий предварительный вывод. С точки зрения издателя акта (старшего императора), младший император приобретал право на осуществление своих властных функций, лишь находясь вдали от отца (в провинции, во время совершения военных походов, а также, возможно, в Константинополе, когда старший император отсутствовал в столице) (ср.: [37, S. 57; 55, p. 59; 54, p. 428sq.]). Исходя из этого, положение соправителя можно охарактеризовать сле-

дующим образом: заместитель старшего василевса во время его отсутствия в столице и в то же время носитель императорской власти за ее пределами с достаточно ограниченным – следует признать – кругом полномочий. При этом ввиду особого порядка их осуществления младший император был всецело подконтролен старшему, в ряде случаев не имея права действовать без санкции последнего. Безусловно, все вышеперечисленные доводы не позволяют нам признать соправителя равным отцу по положению и месту в империи.

Обратимся к нарративным данным. В эпизоде коронации Андроника II Пахимер отмечает, что соправитель получил от отца право издавать распоряжения и подписывать их как император, но без использования менологемы (προστάσσειν καὶ ὑπογράφειν βασιλικῶς, πλὴν οὐ μηνολογεῖν) [34, vol. 2, p. 415³⁻⁶], то есть заключительной формулы документа, состоящей из указания месяца и индиктиона⁷. Наконец, император, по словам историка, предоставил сыну для подписи императорских грамот необычную формулу, которая приводится в тексте как Ἀνδρόνικος Χριστοῦ χάριτι βασιλεὺς Ῥωμαίων [34, vol. 2, p. 415⁵⁻⁶] (ср.: [46, p. 109²⁰⁻²³]), отличную от стандартной императорской формулы, неизменной с конца XI в. (*преномен ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων номен*) (об этом: [30, S. 123]). Кроме того, Михаил VIII обязал сына поклясться в том, что он не будет втайне устраивать заговоры против старшего императора, но станет подчиняться ему (μη ἐπιβουλεύοι, ἀλλ' ὑποτάττοιτο) [34, vol. 2, p. 415⁶⁻⁸].

Следует обратить внимание на то, что ряд свидетельств Пахимера, как правило, достаточно точного в изложении материала и заслуживающего доверия автора, не подтверждаются дошедшими до нас свидетельствами делопроизводственных и актовых источников. Так, формула, которую употребил Андроник II, подписав официальное письмо к папе Иоанну XXI, относящееся к апрелю 1277 г. (Ἀνδρόνικος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, Δούκας Ἀγγελοῦ Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος) [45, пг. 6, p. 21¹⁹⁸⁻²⁰⁰], как мы видим, ничем не отличается от стандартной императорской

формулы⁸. Согласно другому документу, а именно хрисовулу сигиллию от ноября 1281 г.⁹, соправитель уже к этому времени приобрел право подписывать издаваемые им документы менологемой [13, no. 27, p. 200³⁴], тогда как Пахимер даже специально подчеркнул указанное обстоятельство в своем сочинении: после смерти отца (1282) новый василевс «отправил патриарху простагму, *впервые* поставив менологему» (πρώτως μηνολογησάμενος) [34, vol. 3, p. 21¹⁰⁻¹¹].

В историографии вопроса эти противоречия в источниках также не остались незамеченными. Ф. Дельгер и поддержавший его Г.А. Острогорский предположили, что право обозначаться как автократор Андроник II, приобрел, вероятно, в 1272 г. и утерянное начало вышеупомянутой простагмы содержало в себе указание на этот факт [28, S. 141; 49, с. 183]. Е. Христофилопулу посчитала, что указанное письмо соправителя должно свидетельствовать о присвоении ему обозначения αὐτοκράτωρ в период с ноября 1272 и не позднее апреля 1277 г. (дата составления письма). До этого момента он обозначался лишь как василевс, и его положение было идентично (ὁμοίᾳ) положению Михаила IX, которое тот занимал до своей коронации, с 1281 по 1294 гг. [62, σ. 186–188]. Наконец, А. Файе опроверг доводы своей греческой коллеги, заключив (на основании содержания двух стихотворений придворного поэта Мануила Оловола), что уже по случаю коронации 1272 г. младший император получил право использовать обозначение βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ и что Пахимер по каким-то причинам в своих расчетах не прибавил годы соправительства Андроника II к периоду его самодержавной власти [32, p. 247–251]¹⁰. Б. Ферьянчич примкнул к мнению французского исследователя [11, с. 323сл.]. Следует заключить, что подобную коллизию объяснить достаточно не просто, поскольку (если приобретение Андроником II права именоваться автократором произошло все же во время коронации) младший император должен был впервые использовать указанную императорскую формулу уже в преамбуле собственноручно составленного им символа веры, который он вручал патриарху в самом начале церемонии (об этом: [7, с. 102–104])¹¹. Этот факт, полагаем, не избежал бы

внимания Пахимера, хотя в это время он еще не занимал важных церковных и государственных должностей. Оставляем вопрос открытым.

Итак, исходя из сведений источников, следует отметить, что уже в правление Михаила VIII (1259–1282) положение соправителя начинает формально уравниваться с положением его отца и старшего императора. Это выражалось как в официальной терминологии, так и в дворцовом церемониале и служило цели презентации власти Палеологов и продвижения и закрепления в византийском обществе определенной «династической идеи» (см: [3, с. 122–125]). В то же время фактическое положение соправителя в системе государственного управления в указанное время, конечно, нельзя охарактеризовать как сколько-нибудь равное положению старшего императора. Как уже ранее отмечалось, полномочия младшего василевса, закрепленные юридически простагмой 1272 г., были достаточно ограничены, а порядок их осуществления строго регламентировался. При жизни отца Андроник II практически не покидал столицу (за исключением, пожалуй, экспедиции на восток (1280): [34, vol. 2, p. 591²⁷–595¹¹, 599^{15–16}, 627^{14–15}]); в целом же о его деятельности в 1272–1282 гг. сохранилось незначительное количество информации. Официальные документы за его подписью практически отсутствуют и представлены главным образом несколькими посланиями римским папам¹², дублирующими аналогичные по содержанию письма Михаила VIII. Все это позволяет сделать вывод об ограниченном характере участия соправителя в государственных делах.

О деятельности Михаила IX в период его соправительства имеется гораздо больше сведений, что, с одной стороны, может свидетельствовать в пользу наличия у него более широких полномочий, предоставленных ему Андроником II со времени коронации (см. об этом: [10, с. 337]). Тем не менее указанное событие не сопровождалось в этот раз изданием какого-либо официального документа (по крайней мере, нам таковой неизвестен), и потому указанный вывод основывается главным образом на исследовании карьеры Михаила IX и анализа актового материала, к составлению которого он был причастен. Пола-

гаем, зафиксированное источниками участие этого соправителя в социально-экономической, военной и политической жизни византийского государства в изучаемый период времени должно объясняться прежде всего позицией старшего императора и характером отношений внутри императорской семьи. Так, если Андроник II находился в тени отца и действовал всецело согласно его воле¹³, то Михаил IX вел себя в значительной степени более самостоятельно, особенно в военных вопросах, иногда идя наперекор решениям старшего василевса (об этом речь пойдет ниже).

Помимо нарративных данных, к которым мы еще вернемся, нам известно значительное количество актов, изданных этим императором. Бульшая часть из них относится к типу χρυσόβουλλοι λόγοι и имеет стандартную подпись Μιχαήλ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων (Δούκας Ἄγγελος Κομνηνός) ὁ Παλαιολόγος, аналогичную подписи старшего императора. Всего сохранилось шесть хрисовулов, изданных Михаилом IX за все время его (со)правления, которые завершаются подобной формулой¹⁴. Большинство этих грамот (пять) представляет собой акты, подтверждающие хрисовулы Андроника II, поэтому их нельзя назвать самостоятельными.

Так, хрисовул, датированный июлем 1300 г. [13, no. 20, p. 179sq.], посредством которого сербскому кралю Стефану Урошу II Милутину даровалась деревня Кастрион в феме Фессалоники вкупе со всей округой, выгонами и правами (μετὰ λάσης τῆς περιοχῆς καὶ νομῆς καὶ τῶν δικαίων αὐτοῦ) для последующей передачи монастырю Хиландар, подтверждает грамоту аналогичного содержания, изданную старшим императором месяцем ранее [13, no. 19, p. 177]. Этот факт прямо указывается в тексте: [13, no. 20, p. 179^{9–10}]. Документ от декабря 1316 г. [25, p. 46sq.], которым недвижимое имущество (τὰ οἰκίματα) в Константинополе после смерти его владельца, сына Андроника II от второго брака Иоанна [53, Nr. 21475], передавалось брату последнего Феодору Палеологу, маркизу Монферратскому [53, Nr. 21465], также повторяет изданный ранее (несохранившийся) хрисовул старшего императора аналогичного содержания, на что присутствует указание в тексте: [25, p. 46^{1–3}].

Грамота привилегий Михаила IX от августа 1318 г. [44, р. 106–112] в пользу монастыря Вронтохия в Мистре, которая в основной части подтверждала его имущество и устанавливала в отношении последнего особый правовой режим (ἐλευθέρων παντάλασιν εἶναι καὶ ἀνενόχλητον), следует аналогичным в содержательном плане актам Андроника II¹⁵, неоднократно упоминаемым в тексте [44, р. 108^{20–22}, 23–24, 109²⁸]. Хрисовул, изданный в марте 1319 г. [13, no. 43, р. 272sq.], посредством которого подтверждалось имущество монастыря Хиландар, полученное им от Андроника II по просьбе Стефана Милутина, созвучен акту старшего императора [13, no. 42, р. 267–270], о чем напрямую сообщается в *narratio* документа [13, no. 43, р. 272^{1–17}]. Наконец, акт Михаила IX от октября того же года [13, no. 46, р. 281–283], с подачи сербского крляя подтверждавший различное имущество и доходы указанного монастыря, кроме того, имущество, полученное в результате императорских дарений и приобретенное посредством покупок (ἀπὸ ἀγορασιῶν), практически слово в слово повторяет хрисовул его отца [13, no. 45, р. 278–280] (этот факт непосредственно отражен в документе: [13, no. 46, р. 281^{1–3}]).

Таким образом, Михаил IX действительно имел право обозначаться как βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ, что мы видим на примере изданных им императорских актов¹⁶. С точки зрения официальной терминологии, положение старшего и младшего императоров в государстве было идентичным. Впрочем, на что уже обращалось внимание, сохранившиеся хрисовулы Михаила IX в большинстве своем носят подтверждающий характер. Как заметил Б. Ферьянчич, в Византии в начале XIV в. утверждается традиция, в соответствии с которой акты старшего василевса должны были подтверждаться непосредственно (или в какое-то время) после их издания аналогичными по содержанию грамотами его соправителя (и даже второго соправителя, то есть внука Андроника II, также Андроника, с того времени как он был провозглашен василевсом¹⁷ (не позднее февраля 1313 г. [8])) [10, с. 354].

Подобная практика, на наш взгляд, была связана со стремлением императоров-Палеологов укрепить порядок престолонаследия

путем вовлечения в имперское делопроизводство соправителей и подтвердить таким образом в глазах получателей жалованных грамот статус своих детей и внуков как наследников трона и будущих самостоятельных правителей. Кроме того, посредством издания этих актов гарантировалось сохранение права собственности за теми или иными частными лицами и монастырями на конкретное – пожалованное или подтвержденное ранее – имущество в случае смены правителя в результате передачи власти по наследству. Таким образом, для получателей таких грамот непрерывность правящей династии выступала залогом стабильности их собственного материального положения.

Особого же внимания заслуживают так называемые самостоятельные акты, то есть не изданные после идентичных по содержанию грамот старшего императора с целью их подтверждения. Среди сохранившихся оригиналов присутствуют один хрисовул и две простагмы¹⁸. Единственный самостоятельный хрисовул логос Михаила IX, изданный в августе 1310 г. по просьбе обратившихся непосредственно к нему монахов Ивилона (τῆ βασιλείᾳ (sic) μου προσελθόντ(ας) καὶ παρ' αὐτῆς ἐπιζητοῦντας ὁμοίως χρυσοβούλλου τυχεῖν [15, no. 72, р. 184^{37–38}]), подтверждал право собственности монастыря на определенное имущество, а также гарантировал особый правовой режим в отношении последнего и обеспечивал его защиту от посягательств со стороны налоговых агентов (παρὰ τῶν ἐνεργούντων) в фемах Фессалоники и Серры, местных епископов и архонтов. В тексте несколько раз упоминаются хрисовулы, которые были изданы ἐν διαφόροις χρόνοις τὲ (καὶ) καιροῖς дедом и подтверждены отцом Михаила IX, то есть Михаилом VIII и Андроником II соответственно (документы №№ 58 (январь 1259) [15, no. 58, р. 90–92] и 62 (июнь 1283) [15, no. 62, р. 114sq.] этого же издания): [15, no. 72, р. 184^{30–33}, 54–57]. Как определил еще Б. Ферьянчич, представленная грамота, в отличие от остальных сохранившихся хрисовулов этого соправителя, имеет все признаки самостоятельного документа, которые издавались и старшими императорами [10, с. 349]. Как и Андроник II (актом от 1283 г.), Михаил IX подтверждал все пожалования, сделанные до него, а так-

же – что имеет в данном контексте определяющее значение – гарантировал новые, которые были добавлены в этот хрисовул по просьбе монахов Ивилона (ἐπεὶ δὲ παρεκλήτευσαν οἱ τοιοῦτοι μοναχοὶ ἵνα προεθεῶσιν ἐν τῷ παρόντι χρυσοβούλλῳ (sic) λόγῳ τῆς βασιλείας μου ...) [15, no. 72, p. 185¹¹⁵–186¹⁴⁵]. Безусловно, отец младшего императора был в курсе дел, на что указывает фраза ἐπεὶ ... π(α)τὴρ βούλεται τοῦτο καὶ διορίζεται βασιλεύς, μᾶλλον δ' εὐεργετεῖ καὶ ἐκχωρεῖ περᾶναι τὴν αὐτῶν αἴτησιν, ἅγει τε πρὸς ἔργον ταύτην ἢ βασιλεία μου καὶ τὸν παρόντα χρυσοβούλλον λόγον ἐπιβραβεύει αὐτοῖς (поскольку ... отец и василевс желает этого и определяет, скорее же оказывает милость и уступает в выполнении их (монахов. – П. Л.) просьбы, моя царственность приступает к ее исполнению и жалуется им настоящий хрисовул логос) [15, no. 72, p. 184^{50–52}], и, по всей видимости, с его согласия рассматриваемый документ и увидел свет. Тем не менее факт того, что монахи Ивилона обратились с этой целью именно к Михаилу IX, а не к его отцу, может свидетельствовать о том, что к этому времени в сознании определенных категорий византийского населения (в данном случае афонского монашества) уже закрепились активно продвигаемая первыми Палеологами идея равенства двух императоров.

Две простагмы указанного соправителя также являются по своему содержанию самостоятельными распоряжениями. Одна из них, изданная для урегулирования имущественного спора между монастырями Зограф и Лавра, своим издателем Ф. Дельгером была поначалу отнесена к сентябрю 1333 г., следовательно, приписана авторству сына Михаила IX Андроника III (1328–1341) [19, Nr. 18, S. 60–62; 56, T. 4, S. 152sq., Nr. 2795], но затем посредством глубокой внешней и внутренней критики передатирована и заново атрибутирована Н. Икономидисом: сентябрь 1318 г., составлена Михаилом IX [47]. На данный момент точка зрения последнего признается более аргументированной (см.: [35, S. 60]). Вторая простагма младшего императора [12, no. 52, p. 127sq.], которая была издана по просьбе кафигумена Хиландара Гервасия в январе 1320 г. с целью урегулирования процесса передачи (частично – в виде пожертвования, частично – через продажу) неким Васи-

лием Моудином своей земельной собственности указанному монастырю, содержит ссылку на хрисовул Андроника II¹⁹, но в содержательном отношении представляет собой самостоятельный документ.

Существование подобных актов может свидетельствовать о том, что соправитель в рассматриваемый период времени был вправе самостоятельно участвовать в решении некоторых вопросов юридического характера без обязательного обращения к старшему императору. Так или иначе, их количество совсем невелико, что не позволяет сделать далеко идущий вывод о степени этого участия. Заключение исследователей биографии Михаила IX о его особых прерогативах (конкретно) в европейской части империи, где он провел большую часть своего правления [10, с. 347, 353; 35, S. 65], отсылает нас к простагме 1272 г. Обратим внимание на то, что все так называемые самостоятельные акты соправителя были изданы в период его практически непрерывного пребывания в провинции, который с небольшими пропусками можно ограничить 1304–1320 гг. (об этом ниже). Кроме того, адресатом обращения получателей этих грамот, как можно заключить их содержания, выступал именно младший император. Очевидно, издание двух административных актов, регулировавших частные случаи в сфере имущественных отношений, Михаил IX осуществил даже без получения на то согласия старшего василевса, тогда как на составление такого значительного документа, как хрисовул логос, судя по всему, потребовалась санкция Андроника II. На основании этого можно предположить, что младший император в изучаемое время действительно имел право на осуществление некоторых властных полномочий *вне* столицы. Они были в значительной степени ограничены старшим императором, который тем не менее постепенно приобщал сына к государственному управлению, при этом вполне определенно расценивая его положение как второстепенное относительно своего собственного. Данные других источников должны дополнить или скорректировать наше представление о месте Михаила IX в системе властных отношений в империи в рассматриваемый период времени²⁰.

Из двух исследователей биографии Михаила IX Палеолога лишь Х. Гиклер уделила внимание важным нумизматическим свидетельствам [35, S. 191–193]. Действительно, еще один из крупнейших специалистов в области византийской нумизматики Ф. Грирсон заметил, что Андроник II нарушил двухсотлетнюю традицию, начатую Алексеем I Комнином (1081–1118) и продолженную Михаилом VIII, согласно которой соправитель изображался на монетах нерегулярно и по особым случаям (к которым относилась, в частности, коронация последнего). Со времени коронации и до его смерти изображение Михаила IX прочно закрепилось в имперской чеканке [36, p. 284, 286]. Монеты некоторых видов с изображением обоих василевсов на реверсе (с огромным числом вариаций) зачастую окаймлялись круговой легендой ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΕΣ ΡΩΜΑΙΩΝ (в редких случаях она присутствовала также на аверсе), что, вероятно, отражало стремление Андроника II к публичной демонстрации внешнего равенства императоров (см., к примеру: [24, vol. 5, pt. 1, p. 143]): иперпиры (нечасто, см.: [16; 17; 18]), василиконы [24, vol. 5, pt. 2, pl. 31, nos. 513–527, pl. 32, nos. 528–540], ассарии [24, vol. 5, pt. 2, pl. 39, nos. 677–692, pl. 40, nos. 694–711]. Таким образом, чеканка в рассматриваемое время зафиксировала некоторые изменения в презентации власти младшего василевса.

Так или иначе, несмотря на то, что первые Палеологи активно продвигали концепцию двоевластия в империи, всячески стирая различия в образах обоих императоров в том числе и в глазах иностранцев (на что указывают доступные нам источники), актовый материал исследуемого времени, связанный с международными контактами Византии, отражает явный диссонанс между имперской идеологией и реальным положением вещей. Во всех известных нам документах подобного рода, относящихся ко времени соправительства Михаила IX, всегда упоминается лишь один византийский император. Имя младшего василевса не фигурирует ни в одном договоре, как нет и международных актов, составленных от его имени (об этом с примерами: [10, с. 343, прим. 47]) (см. также договоры с генуэзцами Перы: [52, no. 9, p. 103sq. (май 1303), no. 10, p. 105–110 (март 1304), no. 12,

p. 110–115 (март 1308)]). Всей полнотой внешнеполитических полномочий обладал единственно Андроник II, тогда как его сын и соправитель сосредоточился в первую очередь на непосредственном осуществлении военных функций (об этом ниже).

Теперь вернемся к нарративным данным, на основании которых мы попробуем проследить *cursus honorum* Михаила IX. Первый эпизод с участием младшего императора в военно-политической жизни империи относится к началу XIV в. В апреле 1302 г. он отправился на восток, чтобы возглавить запланированное наступление против турок, усиливших военный натиск на Византию. Кампания завершилась без успеха: войско соправителя, усиленное наемниками-аланами, незадолго до того перешедшими на службу в империю, отступило без боя, а Михаилу IX пришлось запереться в Магнисии у Сипила [34, vol. 4, p. 341^{16–35}, 343²–345¹⁰] (ср.: [46, p. 205²¹–207⁶]). В столицу последний вернулся лишь 24 января 1304 г. Вероятно, опасаясь, как бы бесславный поход младшего василевса не отразился на его авторитете, Андроник II устроил для сына и соправителя церемониальный вход в город «словно какому-нибудь триумфатору под многие славословия» (ὡσπερ τις τροπαιοῦχος ὑλὸ πολλὰς ταῖς εὐφημίαις) [34, vol. 4, p. 427^{13–16}, 445^{2–18}] (датировка: [33, p. 44–53]).

Неудача первого самостоятельного похода Михаила IX была связана, очевидно, с отсутствием у него достаточного боевого опыта для руководства крупномасштабными военными операциями. Тем не менее его поражение весьма симптоматично: большая часть из известных нам по источникам вооруженных акций, когда-либо предпринимавшихся Михаилом в наступательных или оборонительных целях, не была успешна, что демонстрирует слабость его как военачальника, тактика, стратега. Отступление войска младшего василевса (в совокупности с последовавшим вскоре поражением византийцев в битве при Вафии [34, vol. 4, p. 359^{3–7}, 367^{3–26}]) вынудило Андроника II принять неожиданную помощь со стороны [34, vol. 4, p. 433^{12–22}] (ср.: [26, p. 379sq. = 58, p. 481sq.]). Прибытие в империю наемного каталонского войска во главе с Рожером де Флором оказалось сопря-

жено со значительными расходами казны и имело далеко идущие последствия для Византии. В том числе, оно внесло разлад в отношения между старшим императором и его соправителем.

Еще во время своего пребывания в Малой Азии Михаил IX узнал, что его отец принял каталонцев в Константинополе, пожаловал их лидеру титул великого дуки и отправил на восток для проведения военных операций против турок. В октябре 1303 г. они достигли Кизика, нанесли поражение турецкому отряду, грабившему окрестности города, и расположились там на зимовку [34, vol. 4, p. 437²⁵–439⁷, 457²³–461⁸; 26, p. 385–389 = 58, p. 489–493] (датировка: [33, p. 54sq.]). Младший император, будучи в курсе дел каталонской дружины, которая подвергла кизикийцев грабежу и насилию, отказался впустить в малоазийскую крепость Пегги, где он тогда находился, прибывшего поприветствовать его Рожера де Флора [34, vol. 4, p. 445^{3–8}]. Возвратившись в Константинополь, он предпринял еще более твердые меры, взыскав крупную сумму денег с жителей Пегги, чтобы они не достались каталонцам [34, vol. 4, p. 457^{16–22}]. Два этих эпизода показывают, что Михаил IX с самого начала разошелся с отцом во взглядах в вопросе целесообразности найма каталонцев, осуществленного, по всей видимости, вопреки его мнению и к тому же последовавшего как бы в ответ на унижительное отступление войска младшего василевса. Данными и последующими действиями он открыто демонстрировал свое неприятие тех решений старшего императора, которые ему лично представлялись ошибочными и претворению которых – в силу ограниченности своего положения – он не мог оказать необходимого противодействия.

Длительное пребывание каталонцев в империи в условиях практически полного отсутствия контроля над ними в конечном итоге привело к открытому конфликту между наемниками и византийским населением. Старшему императору с большим трудом удалось убедить великого дуку оставить Малую Азию и переправиться в Галлиполи (осень 1304 г.), но это лишь усугубило ситуацию. У каталонцев закончились деньги, которые они получали в виде жалованья, вследствие чего «компания» приступила к разорению со-

предельных с городом территорий (об этом: [34, vol. 4, p. 527²⁰–529²⁸], ср.: [26, p. 396–398 = 58, p. 503–505]).

Михаил IX в это время находился в Адрианополе, откуда он вел в целом успешно складывавшуюся для византийцев войну с болгарами, ранее опустошившими области во Фракии и тем самым спровоцировавшими конфликт с империей. Согласно Пахимеру, вести о грабительских рейдах каталонцев вызвали возмущение в войске младшего василевса. Узнав о том, что Андроник II собирался отправить к нему каталонский отряд, чтобы таким образом отвести угрозу от византийских территорий и поставить наемников под контроль войска соправителя, Михаил IX письмом предупредил отца о недопустимости подобной меры. Свои опасения он объяснил тем, что «кроме тотчас сразятся с ними и вступят в междоусобные битвы» (ὡς μαχομένων αὐτίκα σφίσι Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμφυλίους καθεστηξόντων μάχας) [34, vol. 4, p. 529²⁹–531²] (об отнесении каталонского восстания к внутренним конфликтам, см.: [42, p. 245]). Кроме того, младший император поставил старшего василевса перед фактом, сообщив, что ему пришлось вручить «клятвенные хрисовулы» (χρυσοβούλλειοι ὄρκοι) своим солдатам, содержание которых, со слов историка, включало в себя два основных положения: 1) обещание солдатам возвращения домой по истечении условленного срока их службы, чтобы они могли позаботиться о своих близких, находившихся в опасности в связи с непрерывными набегами каталонцев; 2) обязательство не принимать в войско каталонцев [34, vol. 4, p. 531^{2–7}]²¹. Данные, очевидно самостоятельные, акты соправителя, значение которых оценено Х. Гиклер достаточно высоко [35, S. 61 (в ед.ч.: ein Chrysobull)], подтверждают то, что нам уже и так было известно: младший василевс имел право издавать собственные акты, не дублировавшие грамоты и распоряжения старшего императора. В этом случае Андроник II лишь *post factum* был извещен о действиях своего сына, более того, они прямо противоречили его собственной позиции в урегулировании отношений с «компанией». Михаил IX, удалившись от столицы, находясь к тому же под влиянием недавно добытых в сражениях с болгарами успехов, на-

чал проявлять очевидно бóльшую самостоятельность в военных вопросах и особенно в том, что касалось войска под его управлением.

Отметим, что, по словам историка, существование крупных византийских воинских контингентов во Фракии являлось для каталонцев значительным сдерживающим фактором, не позволявшим им подвергнуть опустошению более обширную территорию империи [34, vol. 4, p. 549⁸⁻¹²]. Рожер де Флор демагогически называл Михаила IX главной угрозой для каталонцев и письменно благодарил старшего императора за то, что тот удерживал своего сына от нападения на них [34, vol. 4, p. 559²⁷⁻³³, 561⁵⁻⁸]. Так или иначе, после заключения едва достигнутого соглашения со старшим императором о возвращении каталонской дружины обратно на восток и провозглашения кесарем (10 апреля 1305 г.) [34, vol. 4, p. 571²⁻¹⁰ (дата: p. 570, note 82); 26, p. 400sq. = 58, p. 507–509] ее лидер принял труднообъяснимое решение отправиться к младшему василевсу в Адрианополь. Единственная причина, по которой опытный военачальник мог решиться поставить под угрозу свою жизнь и успех экспедиции в целом, на наш взгляд, должна была быть гораздо существенней, нежели, как посчитали некоторые исследователи [43, p. 145sq.; 35, S. 145sq.], простое желание нанести Михаилу IX, с которым он пересекался всего один раз, будучи в Малой Азии, публичное оскорбление. Несмотря на то, что каталонец едва ли вдавался в тонкости византийского соправительства²², он все же не мог не принимать во внимание исключительно высокое положение, которое занимал в империи старший сын Андроника II. Соглашение с императором было для Рожера де Флора достаточно выгодным, однако требования наемников (прежде всего, финансовые) оно удовлетворило лишь частично, поставив перед кесарем задачу поиска альтернативных источников содержания «компании», в русле решения которой каталонец и решил обратиться к «старшему сыну императора Андроника», все это время не принимавшему непосредственного участия в разгоравшемся конфликте (об этом также: [46, p. 224¹⁻⁶; 10, с. 345]).

Во всяком случае, расчет де Флора на младшего василевса не оправдался. Мы предполагаем, что по прибытию каталонцев в Ад-

рианополь в окружении Михаила IX сформировался антикаталонский заговор. Прямых доказательств непосредственного участия последнего в убийстве кесаря, впрочем, у нас нет, однако и Мунтанер [26, p. 404 = 58, p. 513], и Григора [46, p. 224⁶⁻¹⁰] указывают на это со всей определенностью (ср.: [34, vol. 4, p. 575¹⁷⁻¹⁹]). Оно было осуществлено руками аланов, вождем которых, названный Пахимером Георгусом (Γεωργουῦς), а Мунтанером – Гирконом (Gircon), лишился сына в столкновении с каталонцами в ходе малоазийской кампании 1304 г. [34, vol. 4, p. 575⁶⁻¹³] (личный мотив убийства Мунтанером опущен). Не подлежит сомнению, что все эти события (начиная с решения де Флора отправиться к Михаилу IX) происходили вне ведома Андроника II, несмотря на то, что один из каталонских рыцарей – Беренгер д’Энтенса – прямо обвинил его в содеянном в письме к венецианскому дожу Пьетро Градениго²³. Итак, 30 апреля 1305 г. (датировка: [43, p. 146; 33, p. 66sq.]) лидер каталонской дружины был убит во дворце младшего императора в Адрианополе, и практически всех сопровождавших его наемников перебили солдаты младшего императора [34, vol. 4, p. 575⁶⁻⁵⁷⁷] (ср.: [26, p. 404 = 58, p. 513]).

Убийство де Флора – ключевой эпизод византийско-каталонских отношений, до предела обостривший ситуацию в государстве. В целом факт участия в нем Михаила IX не имеет большого значения, поскольку ответственность за последующие события, так или иначе, должна быть возложена на него: смерть каталонского вождя в сложившихся обстоятельствах была недопустима. Младший император, очевидно, не до конца осознавал реальные последствия такой радикальной меры для ослабленного византийского государства. Если Андроник II пытался дипломатическими методами отвести угрозу от империи и направить усилия наемников в нужное русло, то его сын и соправитель продемонстрировал свою политическую недалекость, окончательно развязав руки каталонцам для борьбы с Византией. Последовавшее за этим открытое каталонское восстание на шесть лет (1305–1311) фактически парализовало жизнедеятельность государства и повлекло за собой значительную дестабилизацию его внутривнутриполитического положения.

Попытка противостоять каталонцам в открытом поле, предпринятая Михаилом IX вскоре после убийства де Флора, была обречена на неудачу. Генеральное сражение между противоборствующими сторонами произошло во второй половине июня 1305 г. при Апросе, или Имере (Ἰμέρη). Здесь войско под общим руководством младшего императора потерпело сокрушительное поражение от латинян, а сам Михаил IX едва не погиб в бою [34, vol. 4, p. 599¹⁰–603¹⁶] (ср.: [26, p. 413–415 = 58, p. 523–526; 46, p. 229⁵–232¹] (датировка: [33, p. 71–73]). Поражение при Апросе обусловило в дальнейшем локальный пассивно-оборонительный характер военных действий со стороны императоров в условиях острой нехватки финансовых и людских ресурсов для проведения полномасштабной наступательной операции против каталонцев.

Деятельность Михаила IX в ходе войны с болгарями и восстания каталонцев позволяют несколько прояснить его положение в системе государственного управления. Б. Ферьянчич утверждал, что младший император самостоятельно управлял сначала Фракией, а затем Македонией, что, по его мнению, доказывает ряд фактов, отмеченных в источниках [10, с. 342, 345, 347, 353 сл.]. Тем не менее полномочия соправителя, судя по всему, не ограничивались территорией региона, где он находился в конкретный момент времени, на что указывают данные актовых материалов. Напротив, Михаил IX как василевс имел право решать вопросы различного характера на всей территории империи, исключая Константинополь, где постоянно пребывал старший император. Известно, что Михаил IX сознательно держался подальше от столицы, практически там не бывая. Он устроил свой двор в Адрианопле, одновременно этот город служил ставкой и сборным пунктом, где весной по его приказу собиралось войско [34, vol. 4, p. 565^{16–19}]. То есть пребывание Михаила IX во Фракии (а затем и в Македонии) было сопряжено прежде всего с военной необходимостью. В этом отношении младший император был, по всей видимости, достаточно независим: он самостоятельно вел войну с болгарями и устанавливал перемирие (τὰ τῶν Βουλγάρων ἐν ἄνωκοῦχαῖς θέμενος), отчитываясь отцу о своих действиях *post factum* [34, vol. 4, p. 491¹⁹–

493¹¹, 577^{20–21}]. Он на собственные (личные) средства экипировал солдат, бежавших с востока, восстановив их боеспособность для дальнейшего использования в военных действиях [34, vol. 4, p. 491^{13–17}]²⁴. В своей работе сербский ученый дважды охарактеризовал войско младшего василевса как «лична (сопствена) најамничка војска» [10, с. 342, 343], однако для такого утверждения у нас нет достаточных оснований. Экипировка части войска Михаила IX, которую он осуществил за собственный счет, еще не говорит в пользу того, что его общее содержание (в том числе наемных подразделений) обеспечивалось из личных доходов соправителя, а не централизованно, их доходов фиска. Кроме того, мы не можем утверждать, что в руках младшего императора оседала какая-то часть налоговых сборов с определенной территории, где он пребывал (за исключением посотиса проний, находившихся в его пользовании²⁵), которой он имел бы право распоряжаться по своему усмотрению (= расходовать на нужды армии)²⁶. По всей вероятности, особые права младшего Михаила IX в военном отношении были обусловлены тем, что Андроник II был «невоенным» императором, проводившим большую часть времени в столице, занимаясь решением вопросов, обеспечивавших функционирование государственной системы в целом, и поэтому делегировавшим управление византийскими вооруженными силами своему сыну и соправителю, постоянно находившемуся при войске в провинции.

Напомним, что (территориально) раздельное правление двух императоров предусматривалось еще в простагме Михаила VIII, но по объективным причинам реализация ее положений стала возможна лишь при его сыне и была связана с разделением властных функций внутри императорской семьи. Тем не менее, как мы уже выяснили из содержания указанного акта, соправитель занимал в системе государственного управления очевидно подчиненное положение относительно положения старшего василевса и, полагаем, в правление Андроника II не произошло значительных изменений в данной концепции. Иными словами, Михаил IX неоднократно нарушал установившийся баланс отношений «старший император – младший император», что, отме-

тим, повлекло за собой неизбежные последствия: Андроник II на длительное время лишил сына возможности выполнения важных военных миссий²⁷.

Двор младшего василевса в Адрианопле включал в себя значительное число военачальников различного ранга, среди которых в сочинении Пахимера упоминаются: великий приммикирий Кассиан [34, vol. 4, p. 573⁷⁻⁸, 577²¹⁻²³, 599¹⁸⁻¹⁹]²⁸, пинкерт Сенахирим Ангел [34, vol. 4, p. 599²³-601², 601³¹-603³]²⁹, великий этериарх Ностонг Дука [34, vol. 4, p. 573⁸⁻⁹, 593³⁻⁴, 599²⁰⁻²²]³⁰, великий цаусий (чауш, μέγας τζαούσιος) Умбертопул [34, vol. 4, p. 593⁴⁻⁵]³¹, скутерий Хумн³², Войсил [34, vol. 4, p. 573⁶⁻⁷, 593⁵, 599¹⁷⁻¹⁸]³³. Кроме того, при Михаиле IX находились также его дядя Феодор [34, vol. 4, p. 491²⁶⁻²⁷, 577³⁻⁴, 599²⁰]³⁴ и младший брат, деспот Константин [34, vol. 4, p. 599²²-601²]³⁵. Вместе с ними он вел войну против болгар и попытался дать отпор каталонцам весной/летом 1305 г. Многие из них впоследствии приняли участие в оборонительных действиях во Фракии (в частности, Сенахирим, Хумн, Умбертопул³⁶), вероятно, распределенные Михаилом IX по городам после его бегства от каталонских отрядов на запад (как он уже это делал и ранее, накануне конфликта: [34, vol. 4, p. 573⁴⁻¹³]). В отсутствие в руках младшего василевса достаточных воинских контингентов тот уже не играл значимой политической роли в ходе восстания каталонцев, и некоторые из его бывших полководцев (Ностонг, Кассиан³⁷) перешли в прямое распоряжение старшего императора. С этого момента следы их связи с Михаилом IX в источниках не фиксируются.

После ухода каталонских отрядов из Фракии (лето 1307 г.) младший император через какое-то время, по всей видимости, перебрался обратно в Адрианополь³⁸. Его двор вновь стал центром притяжения молодой военной элиты. В данном отношении интересен один эпизод, относящийся к лету 1311 г. (о дате: [48, p. 163]), который содержится в сочинении Никифора Григоры. Возвращаясь после грабежа византийских территорий на родину, турки, ранее сражавшиеся бок о бок с каталонцами (еще в битве при Апросе: [34, vol. 4, p. 601⁴⁻⁶]), во главе со своим военачальником Халилом [53, Nr. 30401] обратились к

Андронику II с ультимативным требованием сопроводить их до Галлиполи и переправить на другую сторону Геллеспонта. Старший император, не желая вновь подвергать разорению европейские области империи, подчинился и отправил для удовлетворения этого требования упомянутого выше Сенахирима Ангела, получившего к этому времени титул великого стратопедарха (9-я позиция в таблице: [54, p. 28¹⁰]). В конечном итоге между сторонами развязался конфликт, в результате которого турецкий отряд занял неназванную византийскую крепость (вероятно, на Галлипольском полуострове) и приступил к грабежу окрестных территорий. В сложившихся обстоятельствах Михаил IX, вокруг которого собралось достаточное количество военачальников (οἱ τῶν Ῥωμαϊκῶν στρατευμάτων ἡγεμόνες, στρατηγοί), решил, по всей видимости, самостоятельно, организовать поход против Халила³⁹. В сражении с турками наспех собранное, плохо подготовленное войско соправителя потерпело сокрушительное поражение [46, p. 254³-258¹⁴], которое обрело весь полуостров (περὶ τὴν Θράκην χώραν) на тотальное опустошение, продолжавшееся, по словам историка, «на протяжении без малого двух полных лет» (ἐφ' ὅλοις ἔτεσι παρὰ βραχὺ δυοῖ) (1311-1313) [46, p. 262²⁰⁻²⁴]. Ситуация была разрешена не без труда усилиями старшего императора при поддержке сербского короля и генуэзцев [46, p. 263¹⁰-269²²]⁴⁰.

Косвенные сведения источников позволяют со значительной долей вероятности выявить представителей окружения Михаила IX во время после окончания «каталонского кризиса». К примеру, под 1321 г. Григорой отмечено, что один из организаторов вооруженного выступления внука Андроника II, также Андроника (III), Феодор Синадин [53, Nr. 27120] был близким другом отца последнего [46, p. 301¹⁵⁻¹⁹]. На этот счет у Кантакузина сказано: καὶ φιλίως πρὸς αὐτοὺς διέκειτο καὶ πρότερον ὁ πρωτοστράτωρ, τῷ μεγάλῳ δὲ μάλιστα δομεστικῷ ἐκ τῆς πρὸς Ἀδριανοῦ πόλιν παρὰ τῷ βασιλεῖ Μιχαῆλ διατριβῆς, χρόνῳ πολλῷ τῆς φιλίας αὐτοῖς ἰσχυρᾶς γενομένης (протостратор (Синадин. – П. Л.) также был и ранее дружески к ним (Андронику и Кантакузину. – П. Л.) расположен, в особенности же к великому domestiку (Канта-

кузину. – *П. Л.*) со времени (их) пребывания при василевсе Михаиле в Адрианополе, когда у них на долгое время завязалась крепкая дружба) [38, р. 38^{5–8}].

Таким образом, посредством фигуры Михаила IX оказываются связаны друг с другом два заговорщика и инициатора так называемой первой гражданской войны (1321–1328), после смерти своего покровителя объединившиеся вокруг его сына под предлогом защиты прав последнего на престол, которых он оказался лишен решением деда, императора Андроника II. Еще одно указание проясняет это обстоятельство. В процессе обсуждения базы предстоявшего выступления против Константинополя Кантакузин предложил Адрианополь, ἄτε μεγάλην οὖσαν καὶ πολυάνθρωπον καὶ στρατίαν οὐκ εὐκαταφρόνητον ἔχουσαν ἰδρυμένην ἐν ἑαυτῇ, ἄλλως θ' ὅτι καὶ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ πατρὸς αὐτῶ χρόνον ἐκεῖ διατρίψαντος μάλα συχνόν, πολλοὶ προσεγένοντο αὐτῶ οἰκεῖοι καὶ φίλοι καὶ βουλευσόμενοι μάλα προθύμως ὑπὲρ τοῦ παιδὸς αὐτοῦ διακινδυνεύειν (так как он является большим и густонаселенным (городом) и располагает значительным войском, размещенным в нем, кроме того, потому что когда его (Андроника. – *П. Л.*) отец, василевс Михаил, жил там весьма долгое время, многие близкие и друзья присоединились к нему, которые также захотят ради его сына с большим усердием пойти на риск) [38, р. 23^{21–24}]. На основании имеющихся данных можно утверждать, что при дворе Михаила IX, который в течение долгого времени жил вдали от отца во Фракии, сформировался определенный круг лиц, вероятно, из числа его собственных военачальников, представителей крупных аристократических семей (Кантакузины, Синадины), связывавших свое будущее с младшим императором, который в конечном итоге так или иначе должен был занять его место⁴¹. Возможно, еще один организатор гражданской войны Сиргианн Палеолог [53, Nr. 27167] также был связан с Михаилом IX, хотя точная информация в этом отношении в доступных для исследования источниках отсутствует⁴². Таким образом, раздельное правление двух василевсов обусловило то обстоятельство, что вокруг младшего василевса группи-

ровались молодые представители военной элиты, вероятно, рассчитывавшие с обретением им всей полноты власти добиться высоких титулов и положения в системе государственного управления, ключевые посты в которой были прочно заняты приближенными старшего императора⁴³.

В октябре 1319 г.⁴⁴ в связи с внутривосточным кризисом в соседней Фессалии, предвещавшим Византии территориальные приобретения, Михаил IX по приказу отца был вынужден оставить Адрианополь и перебраться в Фессалонику [46, р. 277^{19–278}¹, 278^{18–279}¹²] (об этом: [43, р. 258sq.]). В этом городе он и умер 12 октября 1320 г., получив известие о трагической гибели младшего сына от рук телохранителей старшего [46, р. 277^{21–278}¹, 285^{12–286}¹²]⁴⁵. Смерть Михаила IX, заставившая его приближенных искать опору (которую они в конечном счете обрели в виде внука Андроника II, будущего императора Андроника III), обусловила собой начало мощного внутривосточного конфликта, завершившегося насильственной сменой власти в империи.

Результаты. Итак, мы выяснили, что специфика властных отношений в Византии на рубеже XIII–XIV вв. определялась двумя обстоятельствами: 1) институционализацией такого политического феномена, как соправительство, произошедшей в период правления первых представителей династии Палеологов; 2) разделением управленческих функций внутри правящей семьи. Первое обстоятельство было во многом сопряжено с изданием Михаилом VIII по случаю коронации сына простагмы (1272) – важного документа, положения которого, на наш взгляд, были в полной мере реализованы (и в какой-то мере даже расширены) в правление Андроника II. Помимо формального уравнивания положения старшего и младшего императоров в сфере презентации власти (церемониал, чеканка, императорская формула), последний приобретал в ограниченном виде также судебные и некоторые управленческие полномочия (председательство в суде, смещение с должностей налоговых агентов и замену их выбранными им чиновниками, увеличение посотиса проний и их перераспределение между солдатами), право на самостоятельное издание император-

ских грамот и осуществление определенных внешнеполитических функций (переговоры с иностранными послами). Все это – исключительно вне стен Константинополя и под контролем старшего василевса. Тем не менее ввиду недостатка репрезентативных источников данных сложно утверждать, что вышеперечисленные полномочия (кроме издания актов) действительно входили в компетенцию Михаила IX. Его реальные полномочия по большей части носили военный характер. Это составляет содержание второго обстоятельства: в то время как Андроник II занимался решением целого спектра вопросов, связанных с различными сферами жизнедеятельности государства (фискальной, социально-экономической, административной, политико-правовой, внешнеполитической и др.), младший василевс сосредоточил в своих руках главным образом функции командования вооруженными силами империи. Такое специфическое разграничение властных полномочий в Византии в условиях территориально раздельного правления двух императоров, которое, отметим, предусматривалось еще указанной прагматикой, можно было бы охарактеризовать как двоевластие, если бы не один важный нюанс: последнее слово должно было всегда оставаться за Андроником II. Второстепенное положение соправителя по отношению к старшему императору опять же регламентировалось актом Михаила VIII, однако в период правления его сына баланс отношений в сфере высшего управления неоднократно нарушался вследствие расхождения во взглядах двух василевсов.

Обособленное положение младшего императора, заключавшееся в его постоянном пребывании вне столицы, и наличие под его контролем значительных воинских контингентов обеспечивали известную степень самостоятельности Михаила IX в принимаемых им военно-политических решениях, в которых он зачастую вступал в противоречие со своим отцом. Соправитель Андроника II вел войну, фактически не оглядываясь на Константинополь, комплектовал и отчасти экипировал войско, планировал боевые операции, заключал перемирие. Его окружение включало в себя большое число видных военачальников из представителей крупных

аристократических семей. Отметим, что некоторые из решений Михаила имели крайне неблагоприятные последствия для империи: к примеру, антикаталонский заговор, созревший в окружении младшего василевса и завершившийся ликвидацией лидера наемников Рожера де Флора (1305) привел к открытой конфронтации между Византией и каталонцами и опустошению европейских регионов империи. Кроме того, специфическое разрозненное существование в империи двух императорских дворов со своим штатом придворных нарушало единство внутри узкой прослойки византийской элиты, приводило к ее размежеванию и выделению из ее числа определенной группы людей, связывавших с младшим василевсом дальнейшее обретение ими высоких чинов и широких властных полномочий в государстве. Указанная тенденция стала особенно явной после смерти Михаила IX, когда приближенные последнего, лишившись покровителя, объединились вокруг его сына Андроника (III) в борьбе за власть в империи и место в придворной иерархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поскольку византийские источники не зафиксировали разницу в терминологическом обозначении императоров и их соправителей, чаще всего употребляя в отношении обоих лексему βασιλεύς, используемые нами термины «старший император», «младший император», «соправитель» и др. условны и имеют целью провести различие между двумя императорами во избежание путаницы. Об этом см.: [35, S. 48–51; 3, с. 123сл.].

² А. Файе относит это указание к периоду с 6 июля по 17 сентября 1305 г.: [34, vol. 4, p. 614, note 1].

³ Дата восстанавливается по сообщениям двух источников: [34, vol. 2, p. 413^{15–18} (указаны число и месяц); 37, S. 41^{111–112} (указаны месяц и индиктион)]. См. также: [46, p. 109^{7–23}; 57, Nr. 8, S. 75^{7b} (без указания даты)].

⁴ Об этом месте прагматки: [20; 21, p. 266–268].

⁵ К примеру, согласие старшего императора требовалось в случае, если бы его соправитель решил увеличить посотис пронии отличившегося в бою солдата на сумму, превышавшую 36 иперпиров: [37, S. 50^{81–84}].

⁶ Например, соправитель (в присутствии старшего василевса, так и вдали от него) имел право сидеть на троне, украшенном красным орлом, при аккламациях, во время приема послов и торжествен-

ных застолий [37, S. 37²–38⁶], а также, как и старший император, не был обязан вставать с него ни перед родственниками, ни перед вельможами (τῶν μεγάλων ἀνθρώπων τῆς καθέδρας) [37, S. 39⁵²–56]. С другой стороны, в ходе совместного выезда обоих василевсов горны и трубы, извещавшие тех, кто подвергся несправедливому обращению, о возможности приблизиться к императору, должны были звучать во время кавалькады (ἐν τῷ κοβολκεύματι) только старшего василевса, тогда как младший император был в праве воспользоваться данной привилегией лишь в его отсутствие [37, S. 39²⁹–44] (о содержании и значении подобных парадных императорских выездов см.: [7, с. 234–244]).

⁷ Достаточно сложный для понимания отрывок текста источника. Не совсем ясно, что Пахимер имеет в виду под глаголом προστάσσειν (praes. inf. act. от προστάσσω: распоряжаться, приказывать, предписывать). А. Файе перевел его как émettre des prostagmata (издавать простагмы), при этом в комментарии уточнив, что эта мера фактически лишала Андроника II права на подписание имперских документов, формуляр которых непременно включал в себя использование менологемы (то есть простагм (кроме того, также (хрисовулов) сигиллиев, о которых французский византинист не упоминает)), см.: [34, vol. 2, p. 414, note 1]. Если переводить προστάσσειν букв. как «издавать простагмы», то мы получаем буквально сочетание несочетаемых понятий: простагма в рассматриваемое время – это имперский документ, который имел юридическую силу, будучи собственноручно подписанный императором красными чернилами в виде указания менологемы в конце текста, а затем сложенный и скрепленный императорской печатью (см.: [30, S. 110sq.]). Впрочем, далее Пахимер еще более усложняет картину (см. в тексте).

⁸ Известно также более раннее письмо Андроника II папе Григорию X, датированное мартом 1274 г. и сохранившееся только в латинском варианте [56, T. 3, S. 76, Nr. 2072]. Оно завершается формулой rex et imperator Romaeorum, которая в переводе на греческий язык звучала бы как βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων [32, p. 248].

⁹ См. аргументацию атрибуции и датировки документа: [13, p. 304].

¹⁰ Речь идет об упомянутом выше отрывке из сочинения Пахимера: [34, vol. 4, p. 615^{3–4}], из которого получается: 1305–23=1282. Ср.: [46, p. 472^{15–18}]: на момент смерти Андроника (1332) со времени принятия им самодержавной власти (τὰ ἑκκλησιαστικὰ τῆς αὐτοκρατορίας) прошло 50 лет (1332–50=1282).

¹¹ Согласно трактату Псевдо-Кодина, старший император, если желал, мог позволить сыну по случаю его коронации использовать обозначение

βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ в его символе веры [54, p. 212^{2–4} и 213, note 607].

¹² Известны четыре таких письма, написанные в период 1274–1279 гг.: [56, T. 3, S. 75sq., Nr. 2072–2075].

¹³ Яркой иллюстрацией этого может выступить то обстоятельство, что в годы правления Михаила VIII Андроник II безропотно принимал унию церквей, подтверждением чему служит, к примеру, уже упомянутое письмо последнего к Иоанну XXI (1277): ἐγὼ Ἀνδρόνικος, ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Κωνσταντινουπόλεως ... πᾶν σχίσμα παντελῶς ἀπομύνω... ἀληθῆ, ἀγίαν, καθολικὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν εἶναι γινώσκω, ταύτην ἀποδέχομαι καὶ καρδίᾳ καὶ στόματι ὁμολογῶ (я, Андроник, во Христе Боге верный василевс Константинополя ... всецело клятвенно отрицаю всякую схизму и знаю, что есть ... истинная, святая, всеобщая и православная вера, ее я принимаю и исповедую сердцем и устами) [45, nr. 6, p. 20^{165–173}]. Ликвидация унии было одним из первых самостоятельных решений Андроника II, когда после смерти отца он сделался единственным императором: [43, p. 33].

¹⁴ Кроме того, сохранился еще один хрисовул Михаила IX, заключительная часть которого (вместе с эсхатоколом) испорчена, следовательно, его датировка затруднена (что касается атрибуции, она надежна ввиду внутренних указаний источника). Первые издатели акта определили время его создания ок. 1320 г.: [12, no. 51, p. 125–127]. Ф. Дельгер датировал документ маем 1308 г.: [56, T. 4, S. 118, Nr. 2624]. Наконец, последние на данный момент издатели хрисовула в качестве даты его составления указали 1299/1300 г.: [13, no. 18, p. 172–175] (аргументация: [13, no. 18, p. 173]). Указанный акт – также дублирующий: соправитель вслед за ранее изданным хрисовулом Андроника II подтверждал по просьбе Стефана Милутина сделанные последним дарения монастырю св. великомученика Никиты, расположенному близ Скопье. Датировка документа, таким образом, зависит от времени издания акта Андроника II, который, к слову, утрачен. Впрочем, до нашего времени дошел сербский перевод еще одного хрисовула старшего императора [2, с. 24–26]: в нем также упоминается его утраченная грамота [2, с. 24], а сам документ подписан маем 1308 г. [2, с. 26]. Это факт позволил Ф. Дельгеру предложить в качестве варианта датировки утерянного хрисовула время до 1308 г. [56, T. 4, S. 118, Nr. 2312], что вполне соотносится с мнением вторых издателей хиландарского архива.

¹⁵ В тексте упоминаются хрисовулы (во мн.ч.) и хорисмос (простагма) Андроника II, из которых известен один документ: хрисовул от 1314/1315 г. (месяц не сохранился) [44, no. 2, p. 100–106], или от 1312/1313 г., согласно: [56, T. 4, S. 58sq., Nr. 2341].

¹⁶ Кроме того, в сохранившемся частнопроводном акте (дарственной, составленной от лица монаха монастыря Пантократора в Константинополе Космы), датированном февралем 1313 г., среди упомянутых императоров фигурирует и имя Михаила IX вместе с обозначением «благочестивейший василевс и самодержец ромеев» (τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων): [14, no. 8, p. 51⁴]. При этом Андроник II здесь же назван «старшим василевсом и самодержцем» (μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων) [14, no. 8, p. 51³⁻⁴]. Очевидно, составитель акта таким образом искусственно разграничил положение двух императоров, поскольку официальная палеологовская титулатура, в отличие от более ранних периодов византийской истории (опционально, см.: [60, p. 878–885]), никогда не включала в себя подобную формулу.

¹⁷ В этом отношении привлекают внимание две серии хиландарских хрисовулов, опубликованные в т. 20 «Архивов Афона» под номерами 42, 43, 44 (март 1319 г.) и 45, 46, 47 (октябрь 1319 г.): первый в последовательности является оригинальным актом, изданным старшим императором Андроником II, а два других – актами, подтверждающими первый, изданными в том же месяце того же года его соправителями – Михаилом IX (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ) и Андроником III (βασιλεὺς) соответственно, см.: [13, p. 265–286].

¹⁸ Также сохранился один дублирующий хрисмос Михаила IX, датированный его последними на текущий момент издателями 1305 или 1320 г. [13, no. 23, p. 189]. Он был издан по просьбе монахов монастыря св. Николая Чудотворца близ Серр в подтверждение простагмы Андроника II от 1294 или 1309 г. [13, no. 13, p. 149sq.].

¹⁹ Хрисовул сигиллий от 1281 г., который ранее приписывался авторству Михаила IX (см. прим. 9) [13, no. 27, p. 200].

²⁰ Обратим внимание на то, что ряд документов, изданных за время своего соправительства Михаилом IX, дошел до наших дней лишь в виде их упоминаний в актах XIV в. (об этом: [10, с. 351–353]).

²¹ Акты не сохранились. Ф. Дельгер приблизительно датировал их октябрём 1304 г.: [56, Т. 4, S. 118, Nr. 2618].

²² Подтверждением этих слов может служить тот факт, что Мунтанер в своем сочинении ни разу не называет Михаила IX императором. Для каталонского хрониста единственным носителем власти в государстве являлся l'empereador Andrinoco, тогда как его соправитель обыкновенно называется son fill majog с прибавлением приставки Hog, то есть «господин» (от греч. κύρ), равнозначной приставке En, которую хронист использует для обозначения представителей каталонской знати.

²³ «О нашем положении и вероломном убийстве, совершенном по приказу того же господина императора (Андроника. – П. Л.) посредством сына (курсив наш; см. прим. 22. – П. Л.) того же Михаила, посланец ... сообщит» (de statu nostro et homicidio infideliter facto de mandato eiusdem domini imperatoris per Michaellem filium eiusdem, lator ... informabit): [27, no. 14, p. 15¹⁸⁻¹⁹] (письмо от 10 мая 1304 г.).

²⁴ Младшему императору пришлось перечислить в деньгах собственную золотую и серебряную утварь (πολλὰ τῶν ἰδῶν σκευῶν), большую часть которой составляло приданое супруги Михаила IX, августы Марии [34, vol. 4, p. 491¹³⁻¹⁷].

²⁵ Михаил IX владел определенным, судя по всему, достаточно обширным, имуществом [34, vol. 4, p. 449¹³⁻¹⁴], а также имел в пользовании «императорские» (βασιλικῶς) пронии [34, vol. 4, p. 447¹³⁻¹⁴].

²⁶ Здесь нелишним будет отметить тот факт, что простагмой 1272 г. предусматривалось увеличение содержания отличившихся солдат во время походов соправителя, но последнему запрещалось делать это за счет βασιλικῶν κεφαλαίων, имперских налогов, что фактически лишало его возможности распоряжаться доходами фиска: [37, S. 40⁷⁷⁻⁸⁹].

²⁷ Младший василевс, лишившись войска вскоре после поражения при Апросе, сначала просил отца, чтобы тот самостоятельно организовал антикаталонский поход (лето 1305 г.): [34, vol. 4, p. 629¹⁰⁻¹⁹], а затем обратился к нему за позволением выступить против наемников во главе конницы Андроника II (июль 1306 г.): [34, vol. 4, p. 667⁴⁻⁵]. Оба раза он получил отказ.

²⁸ Командовал «ромейским» корпусом, составленным из македонских отрядов. О нем: [53, no. 11346]. Великий приммикирий – достаточно высокий титул в придворной иерархии, 10-е место в табели Псевдо-Кодина: [54, p. 28¹¹]. Имел техническое значение: его носитель являлся начальником императорского эскорта (ἡ τοῦ βασιλέως σύντοξίς): [54, p. 108⁸⁻¹⁴]. См. также: [6, с. 199].

²⁹ В битве при Апросе отвечал за безопасность Михаила IX и фактически спас ему жизнь. О нем: [53, Nr. 25146]. Пинкерн – относительно высокий титул в поздневизантийской табели о рангах (14-я позиция): [54, p. 137¹⁵]. Согласно трактату Псевдо-Кодина, имел техническое содержание: его носитель прислуживал василевсу в качестве виночерпия «не только на праздниках, но и всегда» (πάντοτε): [54, p. 156⁹⁻¹¹].

³⁰ В битве при Апросе командовал «влахиконном» и подразделением, составленным из «добровольцев» (θεληματορίων). О нем: [51, p. 152, nr. 133; 53, Nr. 20725]. Титул великого этериарха занимал в это время 25-е место в перечне титулов: [54, p. 28²⁹]. Техническое значение командира иностранной стражи императора (так называемой этерии) к изучаемому периоду времени утрачено,

см.: [39, p. 138]. Согласно Псевдо-Кодину, указанный титул имел техническое содержание: его носитель принимал «беженцев, прибывавших отовсюду» (τοὺς προσερχομένους πανταχοῦθεν φυγάδας): [54, p. 94³⁻⁶].

³¹ Командовал одним из подразделений византийского войска в столкновении с каталонцами при Вранхиалионе (июнь 1305 г.). Титул великого чауша занимал в это время 37-ю позицию в придворной иерархии: [54, p. 30⁶]. Имел техническое содержание: его носитель занимался организацией императорского эскорта. Находился в подчинении у великого приммикирия (см. прим. 28): [54, p. 104¹⁻²].

³² О нем: [53, Nr. 21164]. Вместе с Сенахиримом Ангелом оборонял Адрианополь от каталонцев (лето 1306 г.): [34, vol. 4, p. 665⁵–667²]. Прямо не упомянут среди военачальников Михаила IX, но мы предполагаем его присутствие в окружении последнего. На это косвенно указывает простагма 1272 г., в которой Михаил VIII наставляет своего соправителя: [Ἴνα ἔχῃς τὸν ἐπὶ τῆς τραπέζης σου καὶ ἐπὶ τοῦ [τῶν ἐκστρατειῶν καιροῦ] δὴ καὶ σκουτέριον ... [ὁ δὲ] σκουτέριός σου ἴνα ἐπιφέρῃται τὸ δόρυ καὶ τὴν ἀσπίδα σου, εἴτε τῇ βασιλείᾳ μου συνεκοτρατεύεις, εἴτε καθ' αὐτὸν ἐν ἐκστρατείᾳ διάγεις ([Чтобы ты имел] своего эпископа трапезис (стольника. – П. Л.), а также скутерия во [время походов] ... скутерий же твой чтоб нес твои копье и щит, выступаешь ли ты поход вместе с моей царственностью или совершаешь его самостоятельно): [37, S. 38²²–39²]. Функция скутерия как оруженосца (или «щитоносца», от лат. scutarius – щит) отмечена и у Псевдо-Кодина: [54, p. 104¹¹⁻¹³]. Достаточно скромный титул в иерархии чинов, занимал в это время 42-ю позицию: [54, p. 30¹¹].

³³ В битве при Апросе командовал подразделением из аланов и туркопулов. Болгарин по происхождению, брат болгарского царя Смилеца (1292–1298), о нем: [53, Nr. 2926].

³⁴ В битве при Апросе командовал подразделением, составленным из беженцев с востока. О нем: [53, Nr. 21464].

³⁵ В битве при Апросе вместе с Сенахиримом Ангелом обеспечивал безопасность Михаила IX. О нем: [53, Nr. 21499]. Титула деспота, носитель которого занимал высшее положение в придворной чиновной иерархии [54, p. 26⁵], традиционно удостоивались младшие сыновья императора.

³⁶ Сенахирим и Хумн летом 1306 г. обороняли Адрианополь от каталонцев: [34, vol. 4, p. 665⁵–667²]. Умбертопул защищал крупный фракийский город Визию во время нападения на него каталонского отряда (весна 1307 г.): [34, vol. 4, p. 693²⁻²⁶].

³⁷ Ностонг Дука по приказу Андроника II совершал нападения на каталонские отряды, гравив-

шие фракийскую территорию (осень 1306 г.): [34, vol. 4, p. 689²⁰⁻²³]. О Кассиане см.: [4, с. 220–223].

³⁸ На это прямо и косвенно указывают несколько коротких упоминаний, содержащихся в труде Иоанна Кантакузина. В первой главе автор сообщил, что после возвращения с востока Михаил IX был послан отцом в Адрианополь, где прожил долгое время (χρόνον τινὰ συχρόν). После этого Андроник II приказал сыну уехать в Фессалонику (1319): [38, p. 13¹¹⁻¹⁶]. Кантакузин опускает события каталонского мятежа и тот факт, что Михаил IX после поражения при Апросе жил сначала в Дидимотихоне: [34, vol. 4, p. 603²⁶⁻²⁸], а затем в Морре: [34, vol. 4, p. 667⁴⁻⁵], очевидно, объединяя два периода пребывания младшего императора в Адрианополе: до Апроса и какое-то время после ухода каталонцев из Фракии. Иначе сложно объяснить, почему год (1304/5) его проживания в центральном фракийском городе историк обозначил как длительный срок, в то время как два года (1302/4), проведенные Михаилом IX на востоке, он чуть выше назвал недолгими (ὀλίγον ... τινὰ χρόνον): [38, p. 13¹¹⁻¹²].

³⁹ Предполагаем, что о ситуации с турками Михаил IX узнал от Сенахирима, который обратился к нему за помощью. В источнике вмешательство соправителя в конфликт обусловлено настоящим воззванием к нему «всех военачальников и всех войск», в результате чего данный поход у Григоры приобретает черты общевизантийской реакции [46, p. 256¹⁰⁻¹¹].

⁴⁰ В хрисовуле, изданном Андроником II по просьбе Стефана Милутина для афонского монастыря Хиландар в октябре 1313 г., также упоминаются события этого конфликта, впрочем, в достаточно искаженном виде [13, no. 29, p. 206³³–207¹⁰⁹]. См. также (с исчерпывающим указанием всех имеющих источники византийского, сербского и турецкого происхождения): [48].

⁴¹ Подобное предположение в том или ином смысле уже высказывалось ранее, см.: [9, с. 548; 23, S. 9; 59, S. 23; 41, p. 46sq.]. Дополняем и развиваем представленную точку зрения.

⁴² В начале второй книги историк пишет про него и Сиргианна: ὅφ' ἐνὶ γὰρ καθηγεμόνι τῷ ἡμετέρῳ θεῖῳ Ἀγγέλῳ τῷ μεγάλῳ στρατοπεδάρῃ τὰ πολέμια ἐδιδασκόμεθα (ведь мы обучались военному искусству под руководством одного учителя, нашего дяди, великого стратопедарха Ангела): [38, p. 334⁵⁻⁹] (о многозначности лексемы θεῖος: [22, p. 146–155]). Имеется в виду уже упомянутый несколько раз выше сначала пинкертн, а затем великий стратопедарх Сенахирим Ангел (очевидно, он получил этот титул после героической обороны Адрианополя), военачальник и, судя по всему, близкий друг Михаила IX. Вполне возможно, он и свел Кантакузина (и Сиргианна?) с последним. Оба

молодых полководца приняли боевое крещение в один и тот же день в бою с турками (Πέρσαι δὲ ἤσαν): [38, p. 334⁹⁻¹⁰], возможно, в боестолкновениях с Халилом (1311–1313) или в предполагаемой совместной византийско-сербской экспедиции в Малую Азию (1313), реконструкцию которой предложил Н. Икономидис в уже упоминавшейся работе: [48, p. 162–168].

⁴³ Накануне гражданской войны, вспыхнувшей после смерти Михаила IX, Феодор Синадин и Иоанн Кантакузин, судя по всему, носили достаточно скромные титулы: первый был облечен достоинством «доместика при императорском столе» (δομέστικός ἐπὶ τῆς τροπᾶς τῆς βασιλικῆς), или просто «доместика стола» (δομέστικός τῆς τροπᾶς): [46, p. 301^{8,9-10}; 53, Nr. 27120] (20-я позиция в табели Псевдо-Кодина: [54, p. 28²⁴]), а второй – великого папия: [46, p. 301^{7,8}; 53, Nr. 10973], который в это время занимал 22-е место в придворной иерархии чинов: [54, p. 28²⁶]. Носители обоих титулов, согласно делению поздневизантийских служащих, предложенному М.А. Поляковской, входили лишь в третью группу первого разряда архонтов: [6, с. 200].

⁴⁴ Датировка сопряжена с определенными трудностями. Переезд Михаила IX в Фессалонику у Григоры отмечен как событие, непосредственно следующее (μετὰ ταῦτα) за свадьбой его сына Андроника: [46, p. 277¹⁷⁻²¹]. Согласно сообщению одной малой хроники, указанная церемония состоялась 23 октября 1317 г. [57, Nr. 8, S. 76^{11b}]. Тем не менее, по словам все того же Григоры, смерть младшего василевса (октябрь 1320 г., см. прим. 45) имела место «по истечении *ровно года*» (μεθ' ὅλον ἐνιαυτόν) с момента его переезда в этот город [46, p. 277²¹⁻²²]. Следовательно, историком все же имеется в виду октябрь 1319 г., что противоречит свидетельству достаточно точной малой хроники и образует временную лауну величиной в два года. Налицо путаница, которая, впрочем, характерна для первых книг сочинения византийского интеллектуала. См. об этом также: [47, p. 210sq.].

⁴⁵ Дата смерти Михаила IX надежно устанавливается на основе сообщений двух малых хроник: [57, Nr. 9, S. 92², Nr. 49, S. 351²], а также Кантакузина: [38, p. 13²⁰⁻¹⁴⁴]. Еще одна хроника отмечает лишь месяц, год и индиктион без указания числа: [57, Nr. 8, S. 76^{11c}].

REFERENCES

1. Barišić F. Konstantin Porfirogenet Paleolog [Constantin Porphyrogénète Paléologue]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux

de l'Institut d'études byzantines], 1983, vol. 22, pp. 43–58.

2. Gruić R.M. Tri hilendarske povelje [Three Acts of Chilandar]. *Zbornik za istoriju Južne Srbije i susednih oblasti* [Recueil pour l'histoire de la Serbie du sud et des régions voisines], 1936, vol. 1, pp. 1–26.

3. Kushch T.V. Sopravitelstvo i problema prestolonaslediya v kontekste dinasticheskoj borby v Vizantii v XIV v. [The Co-Rulership and the Problem of the Succession to the Throne in the Context of Dynastic Struggle in Fourteenth-Century Byzantium]. Karpov S.P. et al., eds. *Vizantiyskie ocherki. Trudy rossiyskikh uchenykh k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [Byzantine Essays. Proceedings of Russian Scientists for the 23rd International Congress of Byzantinists]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2016, pp. 121–133.

4. Lysikov P.I. Social and Political Destabilization in Byzantium in the Early 14th Century: Causes and Consequences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 206–230. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.17>.

5. Kuzenkov P.V., Gratsianskiy M.V., eds. Ostrogorskiy G.A. *Istorija Vizantiyskogo gosudarstva* [Geschichte des Byzantinischen Staates]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2011. 896 p.

6. Polyakovskaya M.A. Vizantiyskaya chinovnaya lestnitsa v epokhu Paleologov [Die byzantinische Beamtenleiter in der Palaiologenzeit]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 193–212.

7. Kushch T.V., ed. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvorzovyy zeremonial XIV v.: "teatr vlasti"* [The Byzantine Court Ceremonial of the 14th Century: "the Theatre of the Power"]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2011. 334 p., 14 il.

8. Maksimović L. O vremenu proglašenja Andronika III Paleologa za cara [Sur l'époque de la proclamation de l'empereur Andronic III Paléologue]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 1975, vol. 16, pp. 119–122.

9. Uspenskiy F.I. *Istorija Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 3. Pt. 6. *Komniny* [The Komnenoi]. Pt. 7. *Raschlenenie imperii* [The Dismemberment of the Empire]. Pt. 8. *Laskari i Paleologi*. *Vostochnyy vopros* [The Laskarids and the Palaiologoi. Eastern Question]. Moscow, Mysl Publ., 1997. 829 p.

10. Ferjančić B. Mihajlo IX Paleolog [Michael IX Palaiologos]. *Zbornik Filozofskog fakulteta* [Recueil des travaux de la Faculté de philosophie], 1974, vol. 12, no. 1, pp. 333–354.

11. Ferjančić B. Savladarstvo u doba Paleologa [La co-souveraineté sous les Paléologues]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 1986, vols. 24–25, pp. 307–384.
12. Petit, R.P.L., Korablev B., eds. *Actes de Chilandar*. Vol. I. *Actes grecs*. St. Petersburg, Tip. IAN Publ., 1911. iii, 368 p.
13. Živojinović M., Kravari V., Giros C., eds. *Actes de Chilandar*. Vol. I. *Des origines à 1319*. Paris, P. Lethielleux, 1998. xix, 363 p.
14. Lemerle P., ed. *Actes de Kutlumus*. Paris, P. Lethielleux, 1988. viii, 478 p.
15. Lefort J. et al. *Actes d'Iviron*. Vol. III. *De 1204 à 1328*. Paris, P. Lethielleux, 1994. xiii, 412 p.
16. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, 1294–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2004.2/view> (accessed 25 June 2020).
17. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, 1303–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2001.4/view> (accessed 25 June 2020).
18. *Andronikos II Palaiologos, Gold, Nomisma Hyperpyron, Constantinople, circa 1303–1320*. URL: <https://www.doaks.org/resources/coins/catalogue/BZC.2002.17/view> (accessed 25 June 2020).
19. Dölger F., ed. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges: 115 Urkunden und 50 Urkundensiegel aus 10 Jahrhunderten. Textband*. München, Münchner Verl., 1948. 363 p.
20. Bartusis M.C. A Note on Michael VIII's 1272 Prostagma for His Son Andronikos. *Byzantinische Zeitschrift*, 1988, vol. 81, pp. 268–271.
21. Bartusis M.C. *Land and Privilege in Byzantium: the Institution of Pronoia*. New York, Cambridge Univ. Pr., 2012. xlv, 697 p.
22. Binon S. A propos d'un prostagma inédit d'Andronic III Paléologue. *Byzantinische Zeitschrift*, 1938, vol. 38, pp. 133–155, 377–407.
23. Bosch U.V. *Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341*. Amsterdam, Verl. A.M. Hakkert, 1965. xi, 216 p.
24. Grierson Ph., ed. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 5, pt. 1. *Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453*. Introduction, Appendices, and Bibliography. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1999. xvi, 286 p.; Vol. 5, pt. 2. *Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453*. Catalogue, Concordances, and Index, pp. x, 287–612.
25. Cognasso F. Una crisobolla di Michele IX Paleologo per Teodoro I di Monferrato. *Studi bizantini*, 1927, vol. 2, pp. 37–47.
26. Bofarull A. de, ed. *Crònica catalana de Ramon Muntaner*. Barcelona, Impr. de J. Jepsús, 1860. 612 p.
27. Rubió i Lluch, A., Ferrer i Mallol, M.T., eds. *Diplomatari de l'Orient Català (1301–1409): col·lecció de documents per a la història de l'expedició catalana a Orient i dels ducats d'Atenes i Neopàtria*. Barcelona, Inst. d'Estudis Catalans, 2001. lxxv, 798 p.
28. Dölger F. Rez.: E. Kornemann, Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum (mit einem Kapitel: Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz von G. Ostrogorsky, S. 166–178). Leipzig u. Berlin, B.G. Teubner, 1930. 209 S. 8°. *Byzantinische Zeitschrift*, 1933, vol. 33, pp. 136–144.
29. Dölger F. Rez.: Stein E. Postkonsulat et autokratoria. *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales 2 (Mélanges Bidez) (1933/4)* 869–912. *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, vol. 36, pp. 123–145.
30. Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*. Vol. 1. *Die Kaiserurkunden*. München, C.H. Beck'sche Verl.-Buchh., 1968. xxxiii, 203 p., 41 pl.
31. Dölger F., ed. *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunde: 67 Abbildungen auf 25 Lichtdrucktafeln*. München, Mittel- und neugriechisches Seminar der Universität, 1931. vi, 68 col., xxv pl.
32. Failler A. La proclamation impériale de Michel VIII et d'Andronic II. *Revue des études byzantines*, 1986, vol. 44, pp. 237–251.
33. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymérès (livres VII–XIII). *Revue des études byzantines*, 1990, vol. 48, pp. 5–87.
34. Failler A., Laurent V., eds. *Georges Pachymérès. Relations historiques*. Vol. 2. *Liv. IV–VIII*. Paris, Soc. d'éd. "Les belles lettres", 1984, pp. 327–667; Vol. 3. *Liv. VII–IX*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. xxiv, 305 p.; Vol. 4. *Liv. X–XIII*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306–727.
35. Gickler H. *Kaiser Michael IX. Palaiologos: sein Leben und Wirken (1278 bis 1320). Eine biographische Annäherung*. Frankfurt am Main, P. Lang, 2015. 224 p.
36. Grierson Ph. *Byzantine Coins*. London, Methuen & Co. Ltd., 1982. xiii, 411 p., 95 pl.
37. Heisenberg A. Ein prostagma des Kaisers Michael VIII. Palaiologos. Heisenberg A. *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit*. München, Verl. d. Bayer. Akad. d. Wiss., 1920, pp. 33–81.
38. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV*. Vol. I. Bonna, Weber, 1828. xxxvi, 560 p.
39. Karlin-Hayter P. L'hétériarque. L'évolution de son rôle du De Ceremoniis au Traité des Offices. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 1974, vol. 23, pp. 101–143.
40. Kornemann E. *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*. Leipzig; Berlin, B.G. Teubner, 1930. 209 p.
41. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Leiden; Boston, Brill, 2011. 254 p.

42. Kyriakidis S. The Idea of Civil War in Thirteenth and Fourteenth-Century – Byzantium. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 2012, vol. 49, pp. 243–256.
43. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: the Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. xii, 390 p.
44. Millet G. Inscriptions byzantines de Mistra (Pl. XIV–XXIII). *Bulletin de la correspondance hellénique*, 1899, vol. 23, pp. 97–156.
45. Theiner A., Miklosich F., eds. *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae, maiorem partem e sanctioribus Vaticani tabulariis*. Vindobona, G. Braumueller, 1872. 64 p.
46. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Vol. I. Bonna, Weber, 1829. c. 568 p.
47. Oikonomides N. Theodora despoina tōn Boulgarōn in a Prostagma of Michael IX (September 1318). *Byzantine Studies / Études byzantines*, 1978, vol. 5, pts. 1–2, pp. 201–211.
48. Oikonomides N. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313). Zachariadou E., ed. *The Ottoman emirate (1300–1389)*. Rethymnon, Crete Univ. Pr., 1993, pp. 159–168.
49. Ostrogorsky G.A. Autokrator Iohannes II. und Basileus Alexios. *Seminarium Kondakovianum*, 1938, vol. 10, pp. 179–183.
50. Pavlović B. Theodore II Lascaris as Co-Emperor: Reality and Misapprehensions in Byzantine Historiography. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Recueil des travaux de l'Institut d'études byzantines], 2013, vol. 50, no. 2, pp. 587–607.
51. Polemis D.I. *The Doukai: a Contribution to Byzantine Prosopography*. London, The Athlone Pr., 1968. xvi, 228 p.
52. Belgrano L.T., ed. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera. *Atti della Società Ligure di storia patria*, 1877, vol. 13, pp. 97–336.
53. Trapp E. et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
54. Macrides R., Munitiz J.A., Angelov D., eds. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham, Ashgate Publ. Ltd., 2013. xxii, 540 p.
55. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l'administration central de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris, Eds. Sirey, 1968. 293 p.
56. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453*. Vol. 3. *Regesten von 1204–1382*. München; Berlin, Druck u. Verl. von R. Oldenbourg, 1932. xx, 77 p.; Vol. 4. *Regesten von 1282–1341*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1960. xxx, 165 p.
57. Schreiner P. *Die Byzantinischen Kleinchroniken*. Vol. 1. *Einleitung und Text*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 1975, 688 p.
58. Goodenough L., ed. *The Chronicle of Muntaner*. Vol. 2. London, The Hakluyt Soc., 1921, pp. xxiv, 371–760.
59. Weiss G. *Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1969. xii, 174 p.
60. Zuckerman K. On the Title and Office of the Byzantine basileus. *Travaux et mémoires*, 2010, vol. 16, pp. 865–890.
61. Kyrris K.P. *To Byzantion kata ton 14 aiōna* [Byzantium in the 14th Century]. Vol. I. *Ē prōtē phasis tou emphiliou polemou kai ē prōtē syndiallagē tōn dyo Andronikōn (20.IV – phthinopōron 1321): esōterika kai eksōterika problēmata* [The First Phase of the Civil War and the First Reconciliation of Two Andronikoi (20/4 – Autumn of 1321): Internal and External Problems]. Lefkosia, Ekd. Lampousa Publ., 1982. xi, 229 p.
62. Christophilopoulou A. *Eklogē, anagoreusis kai stepsis tou byzantinou autokratoros* [Election, Proclamation, and Coronation of Byzantine Emperors]. Athens, Grapheion dēmosieumatōn tēs Akadēmias Athēnōn Publ., 1956. vii, 230 p.

Information About the Author

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>

Информация об авторе

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, blademaster18@mail.ru, lysikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7484-798X>